

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Танский монах на горе Желтого ветра встретил преграду
и как Чжу Ба-цзе на склоне горы одержал победу

Рождается в сердце

Закона основа

И в сердце живет

До конца рокового.

Какой же мудрец

Небытью и рожденью

Пределы увидит

И разграничен

Для каждого сердца

Свои есть законы —

Они для него,

А другим незнакомы.

Все ж нужно добиться

Всесилья такого,

Чтоб кровь выжимать

Из железа сухого

И чтобы верхушку

Древа покоя

Веревкой связать

С мировой пустотою.

Коровы и люди

Неравны на свете,

Но солнце для них

Одинаково светит,

Луна проплывает

Над всеми мирами,
Не делая выбора
Меж существами.

Этот гимн сутры Великого Просветления Сюань-цзан особенно хорошо запомнил, он как бы открыл перед Сюань-цзаном двери в мир. И чем больше он повторял этот гимн, тем более просветленным и возвышенным чувствовал себя.

Однако вернемся к нашим путникам. Огромные трудности и испытания выпали на их долю. Им приходилось голодать, ночевать под открытым небом, делать ночные переходы. Лето давно миновало.

Пчелки, пестрые бабочки
Не резвятся, молчат,
Лишь цикады с деревьев
Звонкий слышится голос.
Ожил тутовый кокон,
Распустился гранат,
Лепестки раскрывает
На озере лотос.

И вот однажды, когда день уже клонился к вечеру, путники увидели хижину у дороги.

— Сунь У-кун, — промолвил Сюань-цзан. — Видишь, солнце садится за горы и скоро совсем скроется, а над Восточным морем уже всплывает холодный диск луны. К счастью, мы можем остановиться на ночлег вон в той хижине, а завтра тронемся дальше.

— Вот это правильно! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — А то я что-то проголодался, хоть подкреплюсь немного — легче будет нести ношу.

— Ишь ты, черт какой, домовый! — рассердился Сунь У-кун. — Не успел покинуть дом, как уже начинает роптать!

— Ну, брат! — возразил Чжу Ба-цзе. — Ты можешь питаться ветром и дымом, разве я могу равняться с тобой? А я, да будет тебе известно, с того момента, как пошел за учителем, все время ощущаю голод.

— У-нэн, — сказал ему Сюань-цзан. — Если твоя душа тяготеет к дому и у тебя нет желания отрешиться от мира, возвращайся лучше обратно.

Дурень был так напуган этими словами, что грохнулся на колени и сказал:

— Учитель, не слушайте моего старшего брата! Он любит порочить других. Я даже не думал жаловаться, просто он хочет обвинить меня в этом. Как человек простой и невежественный я прямо сказал, что голоден и неплохо было бы зайти куда-нибудь поесть. А он обозвал меня за это домовым. Учитель, я дал обет бодисатве, и вы оказали мне милость, разрешив сопровождать вас на Запад. Клянусь, что ни капли не раскаиваюсь в своем поступке. Ведь это и называется: «Презирать трудности и стремиться к самоусовершенствованию». Зачем же говорить, что у меня нет желания отрешиться от мира?

— Ну, если ты говоришь правду, встань! — сказал Сюань-цзан.

Дурень поднялся, бормоча что-то себе под нос, взял свою ношу и уныло поплелся вперед. Вскоре они пришли к хижине.

Сюань-цзан спешился, Сунь У-кун взял коня под уздцы, а Чжу Ба-цзе опустил на землю свою ношу. Они остановились в тени деревьев. Сюань-цзан, держа наперевес свой монашеский посох, подошел к калитке увитого плющом домика и увидел старца, который сидел на бамбуковой кушетке и читал буддийские молитвы. Сюань-цзан тихонько окликнул его:

— Учитель, разрешите побеспокоить вас.

Старик быстро вскочил, оправил на себе одежду и, выйдя за ворота, приветствовал Сюань-цзана.

— Простите, что я не встретил вас, — извинился он. — Откуда вы прибыли и как очутились около моей хижины?

— Я — Танский монах, путь держу из Китая, — отвечал Сюань-цзан. — По высочайшему повелению я направляюсь в храм Раскатов грома поклониться Будде и испросить у него священные книги. Время сейчас позднее, и вот, увидев ваш дом, мы решили обратиться к вам с просьбой разрешить нам переночевать здесь. Вы уж, пожалуйста, приютите нас.

Выслушав его, старик замахал руками и, покачивая головой, сказал:

— Путь на Запад необычайно труден, вам его не пройти! Если хотите достать священные книги, отправляйтесь на Восток.

Сюань-цзан промолчал и, растерявшись, подумал про себя:

«Гуаньинь велела мне идти на Запад, почему же этот старик сказал, что следует идти на Восток? И где на Востоке можно достать священные книги?»

Между тем Сунь У-кун, обладавший, как известно, упрямым и злым характером, не мог спокойно вынести того, что сказал старик и, выступив вперед, громко крикнул:

— Эй, старик! Прожил ты на свете много, а не умеешь обращаться с людьми. Мы, монахи, прибыли издалека и думали, что найдем здесь пристанище на ночь, а ты начинаешь пугать нас какой-то ерундой. Может быть, твоя хижина так тесна, что для нас не найдется места, тогда мы проведем ночь под деревьями и не будем тебя беспокоить.

— Учитель, — сказал старик, взяв Сюань-цзана за руку. — вы все время молчите. Зато ваш ученик, с лицом разбойника, впалыми щеками, острым подбородком и огненными глазами, напоминающий Бога грома, осмелился оскорбить меня, старого человека!

— Эх ты, старик! — смеясь сказал Сунь У-кун. — Да у тебя, видно, глаз нет. С виду ты как будто неплохой человек, но не зря говорится: «Хорош на вид, но негоден на вкус». Я же хоть мал, да крепок. Весь соткан из мускулов.

— Что ж ты хочешь сказать, что и способности у тебя какие-то есть? — недоверчиво спросил старик.

— Не стану хвастаться, — отвечал Сунь У-кун. — Но кое-что я умею.

— А где твой дом? И что заставило тебя пойти в монахи? — поинтересовался старик.

— Родина моя — Пещера водного занавеса, в стране Аолайго за Восточным морем, — отвечал Сунь У-кун. — Еще в детстве я познал тайны волшебства и меня назвали У-кун, что значит — Познание небытия. Благодаря своим способностям я стал Великим Мудрецом, равным небу. Однако за то, что я отказался повиноваться велениям неба и учинил дебош в небесных чертогах, пришлось мне перенести немало мучений. Но сейчас уже все позади, я постригся в монахи, вступил на путь Истины и сопровождаю моего учителя, Танского монаха, на Запад для поклонения Будде. Мне ли бояться высоких гор, опасных дорог, широких рек или бурных волн? Я могу ловить оборотней, покорять чертей, умирять тигров и вылавливать драконов. Если понадобится — взберусь на небо и сойду в преисподнюю. Так что, если у вас здесь летают кирпичи, бьется черепица или же гремят котлы и раскрываются двери, в моих силах все это прекратить.

Выслушав все это, старик расхохотался.

— Так вот, оказывается, какой отчаянный говорун-монах бродит по свету, прося подаяние, — сказал он.

— Будь я проклят, — отвечал Сунь У-кун. — Поговорить люблю. Правда, последнее время из-за всяких неприятностей, которые нам с учителем пришлось пережить в дороге, у меня пропала всякая охота к разговорам.

— Если бы путь не утомил вас, ты, чего доброго, заговорил бы меня до смерти. Ну, при таких способностях вы свободно дойдете до Запада. Сколько вас всего человек? — спросил он. — Пожалуйста, заходите в мою скромную хижину.

— Мы очень признательны вам, благодетель, за вашу любезность, — промолвил Сюань-цзан. — Нас трое.

— А где же третий? — спросил старик.

— Да что это ты, старик, ослеп, что ли? — рассердился Сунь У-кун. — Не видишь, кто стоит в тени дерева? — И он указал рукой.

Старик действительно был подслеповат. Внимательно присмотревшись и увидев морду Чжу Ба-цзе, он со страху чуть не упал и опрометью бросился в дом, крича:

— Закрывайте ворота, оборотень явился!

Сунь У-кун бросился за ним и удержал его за руку:

— Не бойся, почтенный! Это совсем не оборотень, а мой брат-монах.

— Ладно, ладно! — пробормотал, дрожа всем телом, старик. — Вот так история, один монах безобразнее другого!

— Почтенный хозяин, — сказал тут, выступив вперед Чжу Ба-цзе. — Если вы судите о людях только по их внешнему виду, то совершаете большую ошибку. На вид мы действительно неказисты, зато народ полезный.

В это время с южной стороны усадьбы показались двое молодых людей и старушка с четырьмя ребятами. Они шли, подоткнув одежду, босые, так как, видимо, сажали рис и теперь возвращались домой. Увидев белого коня, коромысло с вещами на земле и услышав шум у ворот своего дома, они, не понимая, что все это значит, бросились вперед и крикнули:

— Что вы тут делаете?

В этот момент Чжу Ба-цзе обернулся и, вытянув морду, похлопал ушами. Все в страхе бросились в разные стороны и повалились наземь. Сюань-цзан не на шутку встревожился, замахал руками и закричал:

— Не бойтесь! Не бойтесь! Мы не дурные люди! Мы — монахи и идем за священными книгами!

В этот момент из ворот вышел старик и, подымая старуху, сказал:

— Встань, жена, не бойся! Этот учитель прибыл из страны Танов. Вот только у его учеников вид какой-то неприятный. Да это не беда, с виду они хоть и страшноваты, зато люди хорошие. Забирай детей и иди в дом.

Уцепившись за старика, старуха ушла в дом, а детей увели молодые люди. Сидя со своими учениками во дворе на бамбуковой кровати, Сюань-цзан, отчитывая их, говорил:

— Ученики мои! Вы поставили меня в очень неудобное положение, мало того, что вид у вас безобразный, вы и в разговоре грубы. Ведь вы чуть не насмерть перепугали всех!

— Не стану скрывать от вас, учитель, — сказал тут Чжу Ба-цзе, — что сейчас я стал гораздо красивее. А вот, когда я жил в деревне Гаолаочжуан, было совсем другое; стоило мне вытянуть шею и задвигать ушами, как сразу же человек двадцать — тридцать со страху богу душу отдавали.

— Вот Дурень! — рассмеялся Сунь У-кун. — Брось болтать глупости! Ты бы лучше как-нибудь прикрыл свое безобразие.

— Да ты что говоришь, Сунь У-кун! — изумленно воскликнул Сюань-цзан. — Ведь наша внешность дается нам от рождения. Ты советуешь ему невозможное!

— Пусть хотя бы свое свиное рыло прячет, — отвечал Сунь У-кун. — А ушами, огромными как веера, пусть не шевелит. Вот это и значит прикрыть свое безобразие.

Чжу Ба-цзе так и сделал. Он спрятал свою морду, плотно прижал к голове уши и отошел в сторону. Между тем Сунь У-кун привязал коня к столбу и внес в дом вещи. В это время старый хозяин вошел с парнем, который на деревянном подносе принес гостям зеленого чая. После чая хозяин велел приготовить ужин. Паренек вынес во двор ветхий, некрашенный стол, поставил его в тени деревьев, а затем вынес две полуразвалившиеся скамейки. Гостей пригласили к столу.

— Можно узнать вашу фамилию, почтенный хозяин? — спросил Сюань-цзан.

— Фамилия моя Ван, — отвечал старик.

— А большая у вас семья?

— Двое детей и три внука.

— Прекрасно! — сказал Сюань-цзан и поинтересовался, сколько хозяину лет.

— Шестьдесят один год.

— Вот здорово! — сказал Сунь У-кун. — Значит, вы проживете еще столько же.

— Скажите, почтенный хозяин, — снова обратился Сюань-цзан к хозяину, — почему вы сказали, что идти на Запад за священными книгами не следует?

— Достать священные книги — дело нелегкое, — сказал хозяин. — Одна дорога туда чего стоит. В тридцати ли отсюда есть гора, которая называется горой Желтого ветра, это гора протяжением в восемьсот ли. Там водится бесчисленное множество всяких оборотней. Но если этот почтенный младший монах, как он говорит, знает всякие волшебные способы, то вам удастся достичь своей цели.

— Все это пустяки! — подтвердил Сунь У-кун. — Со мной да вот еще с моим младшим братом, никакие черти и оборотни не посмеют связываться.

Пока они беседовали, паренек принес еду и пригласил гостей к столу. Сюань-цзан, молитвенно сложив ладони, стал читать псалом. Однако Чжу Ба-цзе ухитрился сразу же проглотить целую чашку пищи. А пока Сюань-цзан прочел несколько строк псалма, Дурень успел съесть уже три чашки.

— Ну и обжора! — воскликнул Сунь У-кун. — Ты словно бесприютный голодающий дух.

Увидев, с какой жадностью ест гость, старик Ван с любопытством сказал:

— А этот монах, видимо, действительно проголодался. Принесите-ка ему еще еды!

Здесь уместно напомнить, что аппетит у Дурня был и в самом деле невероятный. Он как сел за стол, так, не поднимая головы, проглотил одним духом более десяти чашек еды, в то время как Сюань-цзан и Сунь У-кун не успели съесть и двух.

— Уж вы не обессудьте! Мы приготовили все наспех, чем богаты, тем и рады, — сказал старый хозяин.

— Вполне достаточно! — промолвили в один голос Сюань-цзан и Сунь У-кун.

— Да что вы там бормочете, почтенный, — сказал Чжу Ба-цзе. — Разве кто-нибудь упрекнул вас? Если у вас есть еще еда, давайте, и все будет в порядке.

Дурень съел все, что нашлось в доме, но заявил, что не наелся. После ужина гостям поставили внизу бамбуковые кровати они улеглись спать.

На следующее утро, как только рассвело, хозяин велел жене приготовить гостям закусить. После этого Сунь У-кун оседлал коня, Чжу Ба-цзе взял коромысло с вещами, и они, распрощавшись с хозяином, двинулись в путь. На прощанье хозяин сказал:

— Если в дороге с вами что-нибудь случится, непременно возвращайтесь к нам!

— Не говори чего не следует, почтенный хозяин, — отвечал на это Сунь У-кун. — Мы, монахи, никогда не возвращаемся!

И они двинулись в путь. На этот раз им действительно предстояло перенести очень много трудностей. Им встречались черти и оборотни, бесчисленные бедствия так и сыпались на их голову. Не прошли они полдня, как перед ними выросла высокая гора. Выглядела она зловеще. Приблизившись к обрывистым утесам, Глоань-цзан приподнялся на стременах, и что же он увидел!

Была хребтов безмерна высота,

Вздыхались пики к небу величаво.

Источников прозрачная вода

Внизу переливалась и журчала.

Утесы там скалисты и круты,

Ущелья там тенисты и бездонны,

Душистыми цветами до вершин

Покрыты гор пленительные склоны.

Касались неба острия вершин,

В аду глубины пропастей терялись,

И ветер вольный тучи ворошил,

Которые над пиком простирались.

Там входы меж причудливых камней

В пещеры, где драконы обитали,

Где своды эхо делали слышной, —

И даже капли громом грохотали.

Из чащи выбегали иногда
Рогатые и гордые олени,
Косуль пугливых быстрые стада
На путников взирали в изумление,
В ветвях скользил медлительный удав,
В броне чешуи, как сталь кольчуги, твердых,
И не было покоя от забав
Стремительных мартышек беломордых!
Там к вечеру, усталостью влеком,
Тигр торопился в логово на отдых,
А на заре, подняв прибой, дракон
К пещере из пучин стремился водных.
Взлетали с шумом птицы из травы,
Убежищ звери в панике искали,
И исчезали путники с тропы,
Когда являлся волк, клыки оскалив.
Ну и гора! Поистине она
Средь гор других сверкает словно чудо!
Под пеленой туманной зелена,
Как дымчатая глыба изумруда.

Сюань-цзан ухватился за серебристую гриву своего коня. Сунь У-кун остановил облако и медленно пошел дальше пешком, а Чжу Ба-цзе, с ношей на плечах, плелся сзади. Вдруг поднялся сильный ветер.

— Сунь У-кун, начинается буря! — с тревогой промолвил Сюань-цзан.

— Ну и что же, — сказал Сунь У-кун. — Здесь постоянно дуют ветры, так что бояться нечего.

— Нет, это какой-то зловеющий ветер, он совсем не похож на обычный, — взволнованно произнес Сюань-цзан.

— Чем же он необычный? — спросил Сунь У-кун.

— Да ты сам посмотри, — отвечал Сюань-цзан.

Как он могуч, как он велик, —

Со свистом мчащийся и ревом, —

Он где-то далеко возник

В бездонном небе бирюзовом...

Он пролетает над хребтом

И мчится вдаль, преград не зная,

И издают деревья стон,

И никнет глухомань лесная,

А он несется вдоль реки

И выворачивает ивы,

С цветов срывают лепестки

Его свирепые порывы.

Улов богатый побросав,

Спешат на берег рыболовы,

Суда спускают паруса,

Пережидая вихрь суровый.

Качается обрыва край,

Деревья он хоронит, рухнув,

К смятенью обезьяньих стай,

Бросающих огрызки фруктов.

Олень во всю несется прыть

С заросшего цветами луга,

И весь поток лесной покрыт

Листвой опавшею бамбука.

Кружится в воздухе земля,

И смерч проносится мгновенный,

Река вздувается бурля,

И море бьет волною пенной.

— Дорогой брат, — взяв Сунь У-куна за руку, сказал Чжу Ба-цзе. — Ветер крепчает. Надо бы укрыться!

— Ну, куда мы годимся! — рассмеялся Сунь У-кун. — Если бы ветер действительно был силен, можно было бы подумать о том, чтобы куда-нибудь укрыться. А вдруг мы встретим здесь какого-нибудь волшебника, тогда как быть?

— Дорогой брат, — промолвил тут Чжу Ба-цзе. — Ты разве не знаешь, что: «Избежать соблазна все равно, что избежать врага; а спрятаться от ветра, все равно, что спрятаться от стрелы». Лучше все же укрыться куда-нибудь: вреда это не принесет.

— Погодите! — сказал Сунь У-кун. — Я сейчас поймаю ветер и узнаю, чем он пахнет.

— Опять ты за свое, дорогой брат, — смеясь сказал Чжу Ба-цзе. — Как это ты будешь ловить ветер и нюхать его? Если даже тебе и удастся поймать, он все равно тут же ускользнет.

— Да ты, дорогой, и не знаешь, что я обладаю способностью ловить ветер, — заметил Сунь У-кун.

О Великий Мудрец! Он схватил ветер за хвост и, понюхав его, сразу же ощутил смрадный дух.

— Да, ветер этот действительно вредный, — сказал он. — Это не ветер, который подымает на ходу тигр, это ветер волшебника. Тут что-то неладно.

Не успел он договорить, как у подножья холма, откуда ни возьмись, появился свирепый пятнистый тигр. Сюань-цзан от испуга кубарем скатился с седла и, отскочив в сторону, сел на землю ни жив ни мертв. Тут Чжу Ба-цзе бросил ношу, схватил свои грабли и, отстранив Сунь У-куна, закричал:

— Ах ты грязная скотина! Куда это тебя несет? — Он размахнулся и ударил тигра граблями по голове. Тигр стал на задние лапы, выпустил когти на передней левой лапе и, со страшным шумом разорвав на себе шкуру, встал у края дороги. О, что это было за страшное чудовище!

На теле голом потоки крови,

Сгибались ноги, — не чуял их...

Торчком поднимались в ярости брови,

Торчали концы усов огневых.

За молнией молнию глаза метали,

Злобно сверкал оскаленный клык,

В полном смятенье враги замирали,

Когда раздавался чудовищный рык.

— Стойте, обождите! — закричал он. — Я охрана Князя Желтого ветра. По его приказу я обхожу дозором гору и хотел выловить нескольких простых смертных, чтобы приготовить из них закуску к выпивке. Вы что за монахи, откуда взялись и как осмелились ранить меня?

— Сейчас я тебе покажу, грязная скотина! — орал Чжу Ба-цзе. — Ты что, не узнаешь нас? Мы не обыкновенные прохожие, мы ученики Сюань-цзана — названного брата Танского императора. По высочайшему велению мы следуем на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Не пугай нашего учителя и немедленно убирайся с дороги, тогда я пощажу тебя. Если же ты будешь безобразничать, я пущу в ход свои грабли, и тогда пеняй на себя.

Однако чудовище, не желая ничего слушать, ринулось на Чжу Ба-цзе, стремясь схватить его за голову. Чжу Ба-цзе успел уклониться и яростно завертел своими граблями, а волшебник, у которого не было оружия, повернул обратно и пустился наутек. Чжу Ба-цзе бросился за ним, но волшебник подбежал к подножию холма и скрылся между скал. Очень скоро он выскочил навстречу противнику, яростно размахивая двумя мечами из красной меди. И вот на склоне холма между ними завязался бой. Они то отступали, то наступали. Тогда Сунь У-кун, поддерживая Танского монаха, сказал:

— Вы, учитель, не бойтесь! Посидите здесь, а я пойду помогу Чжу Ба-цзе покончить с этим чудовищем, тогда путь нам будет открыт.

Тут только Сюань-цзан поднялся с земли и, весь дрожа, начал читать сутру Великого Просветления. Однако распространяться об этом мы не будем.

Между тем Сунь У-кун, схватив свой посох, закричал:

— Держи его!

В тот же момент Чжу Ба-цзе напряг все свои силы, и чудовище, потерпев поражение, покинуло поле боя.

— Не выпускай его! — закричал Сунь У-кун. — Его надо догнать!

И оба они спустились с горы, размахивая один — граблями, другой — посохом. Оборотень не растерялся и, применив способ «Цикада сбрасывает с себя оболочку», сделал прыжок и сразу

же принял свой прежний образ, то есть превратился в свирепого тигра. Это, конечно, не остановило Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе, и они продолжали преследовать тигра, желая вырвать зло с корнем.

Однако, когда они уже совсем было настигли оборотня, тот схватил себя за грудь, сдернул с себя шкуру и, накинув ее на камень, сам превратился в бешеный вихрь и ринулся назад.

Вдруг он заметил Сюань-цзана, который продолжал читать сутру. Оборотень схватил его и унес с собой. О, бедный Сюань-цзан! Его имя Цзян-лю — Принесенный рекой, говорило о том, что на своем веку ему придется претерпеть немало страданий и бедствий, прежде чем он выполнит свою миссию.

Между тем оборотень доставил Сюань-цзана ко входу в пещеру. Здесь он приостановил ветер и сказал привратнику, охранявшему вход:

— Пойди доложи князю, что Тигр-охранник поймал монаха и ждет у входа дальнейших приказаний.

Вскоре привратник вернулся и передал, что властитель пещеры велел привести прибывших к нему. Тигр-охранник, заткнув за пояс оба меча, взял Танского монаха и, подойдя с ним к властителю пещеры, опустился на колени.

— Великий князь! — промолвил он. — Ваш скромный раб, выполняя ваше распоряжение и обходя дозором горы, вдруг увидел монаха. Этот монах — названный брат Танского императора — учитель Сюань-цзан. Он идет на Запад поклониться Будде и испросить у него священные книги. Я поймал его и вот доставил вам, чтобы вы полакомились.

Выслушав это, властитель пещеры не на шутку испугался:

— Я давно уже слышал, что учитель Сюань-цзан — святой монах, который следует по высочайшему повелению Танского императора за священными книгами. Сопровождает монаха ученик по имени Сунь У-кун, обладающий сверхъестественной силой и великими познаниями. Как же удалось тебе поймать этого монаха?

— У него два ученика, — сказал Тигр-охранник. — Они шли впереди. Один из них с длинной мордой и огромными ушами вооружен граблями с девятью зубьями. Второй несет железный посох с золотой оправой. У него — огненные глаза. Они гнались за мной, и я едва отбил. Потом, применив способ «Цикада сбрасывает с себя оболочку», я оставил свою телесную оболочку и исчез.

И сейчас этого монаха я почтительно преподношу в дар вам, великий князь, отведайте его.

— Пока не смей говорить об этом! — приказал властитель пещеры.

— Ну, куда это годится, князь, перед вами угощение, а вы что-то выдумываете и отказываетесь от него.

— Ничего ты не понимаешь! — рассердился властитель пещеры. — Съесть его ничего не стоит. Но я боюсь, что явятся его ученики и устроят здесь скандал. Тогда неприятностей не оберешься. Привяжи его пока к столбу усмирения ветров в саду позади дома. Обождём деньков пять, и если ученики его не станут беспокоить нас, тогда мы и съедим его. Во-первых, тело его будет чище, а во-вторых, мы избежим скандала и никто не будет нам мешать. Мы не спеша его поджарим, а может быть сварим или испечем, и сможем насладиться им в свое удовольствие.

— Вы очень дальновидны, великий князь, — с одобрением сказал Дух тигра. — Все, что вы сказали, — совершенно правильно. Ну-ка, ребята, уберите его отсюда! — приказал он.

Тут, словно ястребы-стервятники, налетающие на маленьких пташек, на Сюань-цзана налетели восемь оборотней и связали его по рукам и ногам. В этот тяжелый момент Сюань-цзан вспоминал о Сунь У-куне и Чжу Ба-цзе.

— Дорогие ученики мои! — восклицал он. — В каких горах вы сейчас ловите чудовище, где усмиряете оборотней, мне неизвестно. А я вот попался в лапы к дьяволу, который готовит мне гибель. Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Какое горе! Если вы успеете вовремя вернуться, я спасен, если же запоздаете, все будет кончено. — Говоря это, Сюань-цзан всхлипывал, и слезы градом катились из его глаз.

Что же делали в это время Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе? Преследуя тигра, они вдруг увидели, как он подпрыгнул, а затем лег, притаившись у скалы. Сунь У-кун взмахнул своим посохом и изо всех сил ударил тигра. Раздался оглушительный грохот, удар был так тяжел, что у Сунь У-куна даже руки заныли. Чжу Ба-цзе с такой же силой ударил тигра граблями. Но, как выяснилось, они колотили шкуру, надетую на камень, точь-в-точь похожий на спящего тигра.

— Дело дрянь! — воскликнул изумленный Сунь У-кун. — Мы попались на удочку!

— Как же это он нас провел? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Штука, которую он выкинул с нами, называется «Цикада сбрасывает с себя оболочку». Он накрыл этот камень шкурой тигра, а сам сбежал. Надо сейчас же возвращаться назад, а то как бы с нашим учителем беды не приключилось.

Они поспешно бросились назад, но Сюань-цзана нигде не нашли.

— Он успел похитить нашего учителя, — загремел во весь голос Сунь У-кун. — Что ж теперь делать?

Взяв коня под уздцы, Чжу Ба-цзе запричитал:

— О небо, небо! Где же нам искать его?

— Перестань реветь! — прикрикнул на него Сунь У-кун. — Когда плачут, смелость пропадает. Необходимо что-нибудь придумать. Искать его нужно здесь, на этой горе.

Они ринулись в горы, пересекли хребет и шли довольно долго, пока наконец увидели выступ над горой со входом в пещеру. Тут они остановились и начали внимательно присматриваться. Картина перед ними открылась зловещая.

Здесь горы-великаны громоздились,
Отрог переходил в другой отрог, —
И путники невольно заблудились
Среди давно заброшенных дорог.
К развесистой сосне благоуханной
Бамбук ветвями жадными припал,
Вокруг — камней нагромождение странных,
В лесу тенистом много птичьих пар,
Несутся в небе облачные клочья,
Вода потоков пенна и быстра.
И изумруд травы густой и сочной
Простерся наподобие ковра.
В траве порою зайцы пробегали,
Скрывались лисы в мраке темных нор,
Олени со склоненными рогами
Готовились дать хищникам отпор.
И полосы лиан тысячелетних
Вокруг больших стволов переплелись,
И гибкие раскидистые ветви
Склоняет над оврагом кипарис.
Вид этих мест волшебных необычен,
Как пик Хуа красив и величав,

Склоняются цветы, и крики птички

Весь день, как на горе Таньбай, звучат.

— Вот что, брат, — сказал Сунь У-кун. — Спрячь вещи где нибудь в ущелье, чтобы их не унесло ветром, а коня пусти погулять. Сам же сиди и не показывайся. Я схожу к самому главному из них и померяюсь с ним силами. Нужно словить этого волшебника, только тогда учитель будет спасен.

— Ладно! Нечего учить меня! Отправляйся скорее! — сказал Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун одернул свой кафтан, подтянул тигровый плащ и, схватив посох, ринулся прямо к пещере. У входа была надпись: «Пещера Желтого ветра на горе Желтого ветра». Сунь У-кун остановился, словно врос в землю, и громко крикнул:

— Эй ты, волшебник! Сейчас же освободи моего учителя, не то я переверну твое логово и сравняю его с землей!

Духи-прислужники, дрожа от страха, ринулись в пещеру.

— Великий князь, беда! — доложили они.

— Что случилось? — спросил дух Желтого ветра.

— К пещере подошел какой-то монах, похожий на Бога грома, с лицом, заросшим волосами, и огромным железным посохом в руках. Он требует, чтобы освободили его учителя.

Встревожившись, властитель пещеры вызвал к себе Духа тигра и сказал:

— Я велел тебе обойти горы и выловить горных козлов, диких кабанов, жирных оленей и глупых баранов. Зачем же тебе понадобился этот Танский монах? Ты только раздражил его ученика. Что ж теперь делать?

— Успокойтесь, великий князь, — отвечал тигр. — Я хоть и не обладаю особыми талантами, но сейчас возьму себе пятьдесят помощников и выйду к нему навстречу. Что бы там ни было, я поймаю его и преподнесу вам на угощение.

— Не считая старших командиров, в моем распоряжении есть еще около семисот младших духов, — промолвил властитель пещеры. — Возьми, сколько тебе надо, только слови этого Сунь У-куна. Тогда уж нам никто не помешает полакомиться монахом, а я охотно побратаюсь с тобой. Боюсь только, что этот Сунь У-кун изувечит тебя, тогда не будь на меня в обиде.

— Не волнуйтесь! И ждите моего возвращения! — сказал тигр.

Он отобрал себе пятьдесят самых сильных духов, подвязал к поясу два меча из красной меди и с оглушительным барабанным боем, размахивая знаменами, выскочил из пещеры.

— Ты откуда взялся, обезьяний монах? И как смеешь шуметь здесь? — заорал тигр.

— Ах ты скотина ободранная! — крикнул в ответ Сунь У-кун. — Ты сбросил с себя оболочку, утащил нашего учителя, а теперь еще спрашиваешь, как я смею шуметь! Если хочешь остаться в живых, немедленно возврати моего учителя!

— Я действительно захватил твоего учителя, — подтвердил тигр. — Мы с князем собираемся приготовить из него угощение. Если у тебя есть хоть капля ума, уходи отсюда подобру-поздорову. Иначе мы и тебя съедим. Просто я хотел поступить по принципу: поймал одного, другого можно помиловать.

Эти слова привели Сунь У-куна в неопишное бешенство.

Яростно заскрежетавав зубами, он вытаращил глаза и, размахивая посохом, заорал:

— Какими же способностями ты обладаешь, что так расхвастался! Вот сейчас я познакомлю тебя с моим посохом!

Тигр напряг все усилия, чтобы отразить удар. Это был страшный бой, в котором оба противника пустили в ход всю свою силу и умение.

Почувствовав, что ему не устоять против Сунь У-куна, Дух тигра бежал. Однако возвращаться к князю, перед которым он так похвалялся, было неудобно, поэтому он, спасая свою жизнь, бежал прямо в горы. Сунь У-кун с громким криком бросился за ним и гнался до тех пор, пока не достиг ущелья.

Там он увидел Чжу Ба-цзе, который пас коня. Услышав крики и увидев удирающего тигра, он бросил коня, взмахнул своими граблями и наотмашь ударил тигра по голове. Несчастный Дух тигра, решивший избежать наказания своего начальника, неожиданно для самого себя попал в другую беду. Одного удара Чжу Ба-цзе было достаточно, чтобы продырявить ему голову сразу в девяти местах. Хлынула кровь, и мозги разлетелись в разные стороны.

Между тем Дурень, встав ногой на спину повергнутого тигра, взмахнул граблями и нанес ему еще удар. Увидев это, Сунь У-кун в восторге крикнул:

— Так ему и надо, дорогой брат! Он вместе со своими духами осмелился выступить против меня, но, признав себя побежденным, покинул поле боя. Однако побежал он не в пещеру, а сюда, и здесь нашел свою смерть. Хорошо, что ты пришел мне на помощь, не то он мог

улизнуть.

— Вероятно, это он вызвал ветер и похитил нашего учителя? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Конечно, он, — подтвердил Сунь У-кун.

— А ты узнал, где находится сейчас учитель?

— Волшебник утащил учителя в пещеру, — сказал Сунь У-кун, — и с каким-то чертовым князем решил съесть его. Услышав об этом, я не мог сдержаться, вступил в бой с волшебником и загнал его сюда. А тут уже ты его прикончил. Выходит, брат, это твоя заслуга. Ты оставайся здесь и стереги коня и вещи. А я уберу отсюда труп этого волшебника и вызову духов из пещеры на бой. Надо во что бы то ни стало изловить главного волшебника, лишь тогда учитель наш обретет свободу.

— Ты совершенно прав, дорогой брат, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Постарайся во время боя загнать духов сюда, а я покончу с ними.

О, прекрасный Сунь У-кун! Взяв в одну руку посох, а второй волоча за собой убитого Духа тигра, он отправился прямо к пещере.

Если вы хотите узнать, удалось ли Сунь У-куну покорить духа и спасти Танского монаха, прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286424>